УДК 89

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-86-92

Татьяна Максаровна Дугаржапова,
доктор филологических наук,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а),
e-mail: tatiyanamaksarovna@yandex.ru

**Роль стихотворных фигур в художественном тексте
Э.-Х. Галшиева «Бэлигэй толи» («Зерцало мудрости»)¹**

По разнообразию аспектов использования различных композиционных элементов и частоте употребления стихотворные (синтаксические) фигуры являются важным средством усиления выразительности образно-художественной речи в назидательных речениях Э.-Х. Галшиева. Цель работы – осуществление анализа разнообразных аспектов использования различных композиционных элементов, некоторых стихотворных (синтаксических) фигур в назидательных речениях Э.-Х. Галшиева. Актуальность и новизна темы данной статьи обусловлена малой изученностью проблем дидактической литературы монгольских народов, в частности, недостаточно раскрыты литературно-художественные особенности текста памятника дореволюционной бурятской литературы Э.-Х. Галшиева. Работа основывается на принципах художественно-эстетического, описательно-аналитического методов исследования, а также семантико-стилистического анализа художественного текста и поэтики в целом. Впервые представлен анализ стихотворных (синтаксических) фигур: фонетической анафоры (аллитерация, синтаксическая анафора), параллелизма, эпифоры, что придаёт особое благозвучие образно-художественной речи в назидательных речениях Э.-Х. Галшиева. В речениях наиболее часто встречается аллитерация (толгой холболго) звуковой повтор, органично вытекающий из самого строя бурятского языка. Важным композиционным элементом в назидательных речениях Э.-Х. Галшиева является *смысловой и синтаксический параллелизм*. Назидательные речения Э.-Х. Галшиева полностью построены на параллелизме двух рядом стоящих предложений, имеющих между собой смысловую связь и включающих в себя лексическую параллель. Разновидностями стихотворной эпифоры в речениях выступают реди́ф и рефрен. В сочинении Э.-Х. Галшиева такой композиционный приём используется в конце каждой строфы изречения для усиления ритмики стиха.

Ключевые слова: дидактическая литература, образная речь, стихотворные фигуры, аллитерация, параллелизм, эпифора, прозаический текст Э.-Х. Галшиева «Бэлигэй толи»

Введение. Важным средством усиления выразительности образно-художественной речи служат синтаксические фигуры. Р. Якобсон отмечает, что «так называемая безобразная поэзия», или «поэзия мысли», широко применяет грамматическую фигуру взамен подавляемых тропов [11]. Если тропы – формы поэтического мышления, благодаря которым мысль обогащается новым образным содержанием, то фигуры – формы речи, усиливающие её воздействие, благодаря определённым синтаксическим построениям, но не привносящие такого нового содержания [17, с. 249–281]. В какой-то мере, синтаксические фигуры можно уподобить музыкальным фразам, придающим речи особое благозвучие, тем самым облегчая её восприятие, поэтому их можно даже назвать музыкой словесной речи (звукописью). В тексте памятника «Бэлигэй толи» («Зерцало мудрости») Э.-Х. Галшиева наиболее часто встречается

аллитерация, которая является древнейшим национальным метрическим средством поэзии монгольских народностей. Аллитерация (толгой холболго) – звуковой повтор, органично вытекающий из самого строя бурятского языка тесно связанный с его внутренней природой, исходным свойством которой является отсутствие в бурятских словах чёткого акцентированного (силового или динамического) ударения [7, с. 92–94].

Одним из самых важных композиционных элементов назидательных речений Э.-Х. Галшиева является *смысловой и синтаксический параллелизм*. Большое значение параллелизм имеет в бурятской поэзии, являясь не только поэтическим приемом, но и метрическим средством.

Под параллелизмом вообще понимается соединение как минимум двух предложений или их частей путём соответствия синтаксической структуры и смысла [Там же, с. 67].

¹ Статья выполнена при поддержке гранта на проведение инициативных научных исследований Бурятского государственного университета 2018 г. «Памятник дореволюционной бурятской литературы “Бэлигэй толи” (“Зерцало мудрости”) Э.-Х. Галшиева» № 18-06-0502.

Потому в бурятской поэзии определённое место занимают повторы предложения, иными словами, синтаксический параллелизм. Разновидностями стихотворной эпифоры в речениях выступают реди́ф и рефрен. Реди́ф представляет собой повтор слова или словосочетания после рифмы, характерен прежде всего для классической арабской, персидской и тюркоязычной поэзии [18, с. 138–140].

Методология и методы исследования.

Поставленные в работе задачи предопределили использование историко-литературного, художественно-эстетического, описательно-аналитического методов исследования, а также семантико-стилистического анализа художественного текста и поэтики в целом.

Историко-литературный комментарий даёт ценнейший материал для истолкования художественного текста, поскольку нужно знать эпоху, биографию писателя, закономерности историко-литературного процесса и т. д. Художественно-эстетический принцип использован для развития художественного восприятия текста, то есть для передачи другим своих эстетических эмоций. Назидательные речения возникли на основании определённого чувства, или размышления, испытываемого автором. Это чувство – мысль Э.-Х. Галшиева, который жил в определённую историческую эпоху, именно поэтому его «субхашиты» имеют свою неповторимую творческую историю. Изучение его текста позволяет понять произведение в его неповторимости, обусловленной историей, личностью автора. Описательно-аналитический метод использован для изучения и анализа научно-методической литературы по данной проблеме исследования. Семантико-стилистический метод анализа данного текста памятника нацелен на определение стилистической окраски компонентов текста, языковых и речевых элементов с точки зрения их смысловой роли.

Результаты исследования и их обсуждение. Для того чтобы иметь представления о разнообразии аспектов использования различных композиционных элементов, проанализируем некоторые стихотворные (синтаксические) фигуры, являющимися важным средством усиления выразительности образно-художественной речи в назидательных речениях Э.-Х. Галшиева. *Аллитерация* является древнейшим национальным метрическим средством поэзии монгольских народностей.

Уместно отметить, что в работах известных стиховедов-монголоведов по достоинству уделено большое внимание исследова-

ниям Г. К. Габеленца, А. М. Позднеева, Б. Лауфера, Б. Я. Владимирцова, Г. И. Рамседта, А. Д. Руднева и др. [2; 4; 5; 7–10]. Именно в трудах этих учёных-монголистов впервые в системе ритмообразования поэзии монгольских народов отмечена роль таких метрических средств, как *параллелизм* и *аллитерация*.

О древности аллитерации можно судить по данным таких исторических памятников, как «Сокровенное сказание монголов» (1240), «Алтан Тобчи» (1604), «История Саган Сэцэна» (1662), а также на основании того, что аллитерация органически внедрена во все виды устного народного творчества монголов с древнейших времён [10, с. 47]. В бурятской поэзии обычно выделяют следующие виды аллитерации: 1) строфическую или сплошную – (а а а а); 2) парную или смежную (а а б б); 3) перекрестную (а б а б); 4) вольную; 5) внутреннюю [8, с. 67]. Аллитерация в речениях нерегулярна, часто встречаются только повторы двух строк в начале стиха (э – э):
Эдээ гэртээ хадагалангүй / Эдэй гэртэ хадагала.
/ Хэрбээ эд гэмтэйшье наа, / Өөрын аминда хорлол бага байха [14, с. 7]. (Богатство не держите в доме, / а прячьте в хранилищах имущества. / Даже если будет нанесён ущерб богатству, / жизнь твоя от этого мало пострадает). Чаще в речениях встречаются повторы двух строк в середине стиха:

Айхабтар үнэ ехэтэй

Эд бү эдлэ.

Эд барагдабашье бии болоно,

Буян барагдаха гээшэ тэрээнтэй адли бэшэ

[Там же, с. 13].

(Не употребляй / сильно дорогостоящие вещи. / Хотя кончится богатство – возможно восстановление, / а конец добродетели – несравнимо с предыдущим).

Реже встречаются повторы строк в начале и в самом конце четверостишия: Өөрын изагуурай шэмэг хубсаһа орхижо, / Буса уладай шэмэг хубсаһа бү дууряа. / Эрэшье бэшэ, эмэшье бэшэ, эрсэ мэтэ, / Өөр, бусад – хоюу-ланиинь бэшэ бэсэрэг болохо [Там же, с. 15]¹. (Отбросив родную красивую одежду, / не подражай нарядам других народов. / Иначе ты станешь безликим, не принадлежащим ни к своим, ни к другим, / и будешь, как гермафродит, не относиться ни к мужчинам, ни к женщинам). Такое неполное употребление звуковых повторов (то есть только в двух строках четверостиший) объясняется, возможно, осо-

¹ Здесь и далее приведены четверостишия из книги Э.-Х. Галшиева «Зерцало мудрости, разъясняющее, принимаемое и отвергаемое по двум законам». – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1993. – 252 с.

бым строем языка назидательных речений, в отличие от современного лирического стиха.

Следует отметить, что из всех синтаксических фигур наиболее часто встречается приём повтора, или реприза. Существуют разные классификации повторов. Э. Ризель указывает три его вида: дословный повтор, повтор с изменением форм, повтор синонимичных форм [15, с. 12]. В свою очередь эти виды повтора подразделяются на несколько подвидов.

Однако Б. В. Томашевский считал излишней подобную классификацию. Он и анафору рассматривал как разновидность параллелизма [16, с. 282].

Полный повтор – это повторение одного и того же слова или фразы подряд в разных местах одного предложения или в нескольких соседних предложениях [3, с. 128]. Такие повторы в речениях встречаются редко: Тоһолг эдээ эдээ хаа / Эдээнэй ташуур даһатай уһа гү, али шинта гэжэ сай уу. / Урдахи эдээн түргэн шэнгэхэ болоод, / Хойшонхи эдээндэ дуршал хаагдахагүй [14, с. 21]. (Если скушал жирную пищу, то для содействия пищеварению / выпей слегка подсоленную воду или чай по названию чинта. / Предыдущая пища усвоится быстрее, / а к последующей аппетит не прервется. Тут повтор слов: «эдээ эдээ».

Особую выразительность назидательным речениям придаёт приём повторения вопросительной частицы *аал*. Например: Энэ хадаа оюунай эшэ зарлиг гээд, / Ухаан түгэлдэр хэн нэгэн гал руу харайха *аал*? [Там же, с. 57]. (Исполненный разума разве бросится в огонь, / считая, что мысль возникла в сознании?). Или: Хазаар жолоогүй дошхон мориин / Ухаан түгэлдэр хэн нэгэн унахаа хүсэхэ *аал*? [Там же, с. 58]. (Обладающий разумом разве пожелает сесть / на дикого коня без узды и поводьев?). Данная конструкция из риторических вопросов с повтором на конце частицы *-аал* приобретает оттенок философского характера: «...харайха аал?, ...хүсэхэ аал?, ...орхихо аал?, ...айхагүй аал?...».

Одним из самых важных композиционных элементов назидательных речений Э.-Х. Галшиева является *смысловый и синтаксический параллелизм*. Большое значение параллелизм имеет в бурятской поэзии, являясь не только поэтическим приёмом, но и метрическим средством. Под параллелизмом вообще понимается соединение как минимум двух предложений или частей их путём соответствия синтаксической структуры и смысла [7, с. 67]. Потому в бурятской поэзии определённое место занимают повторы предложе-

ния, иными словами, синтаксический параллелизм. Приведём пример параллелизма в народных песнях:

Сэлэнгынгээ оеорһоо
Сэгээн шулуу бэдэрье,
Сэсэн сээжын оеорһоо
Сэгээн зугаа бэдэрье [12, с. 16].

(Беловатый (букв. прозрачный) камень поищем на дне реки Селенги, / светлое веселье поищем на дне (букв. в глубине) мудрой души). По принципу параллелизма построенные целые части или главы бурятских улигеров

Урданай сагай уринда
Уран сагай түрүүндэ,
Саг жэлэй сарюунда,
Сахилза үбһэнэй хүхэдэ [13, с. 3].

(В древние приветливые времена / В давние светлые времена, / В светлые временные годы, / Когда синели травы...).

Также по образцу улигерного стихосложения в современной бурятской поэзии даны конструкции синтаксических параллелизмов, где части параллелизма соответствуют друг другу по смыслу [3, с. 135].

Приведём пример из стихотворения Д. Улзытуева:

Дулаахан хабарнай
Дуулаһаар ерээл даа.
Дуулимхан дайдамнай
Дуунһаань һэрээл даа [19, с. 179].

(Весна, теплым-тепла, / Напевая, пришла. / Тихая наша земля / От песни её проснулась).

От песен «тёплой» весны пробудилась «тихая степь». Параллелизм первых строк придаёт всему стиху определённый эмоциональный настрой, являясь как бы запевом в стихе песни.

Следует отметить, что особое значение параллелизм имел и в «Субхашите» Сакья-пандиты. Исследователь данного памятника тибетской литературы XVIII века. Д. Болсохоева считает, что «...четверостишия “Субхашиты” представляют собой изречения, построенные по принципу грамматического и логического параллелизма, на сопоставлении и противопоставлении двух образов, один из них образ из человеческой жизни, а рядом с ним – из внешнего мира, обычно из мира природы (образы растительного и животного мира» [1, с. 17].

Назидательные речения Э.-Х. Галшиева полностью построены на параллелизме двух рядом стоящих предложений, имеющих между собой смысловую связь и включающих в себя лексическую параллель. Исследователь бурятской литературы Ц.-А. Дугар-Нимаев

пишет, что «...если сравнить сочинение Галшиева с сочинением Гунгажалцана ("пандита сакъяский"), то мы обнаруживаем черты сходства. Оба они написаны четверостишиями, в первом двустишии высказывается основная мысль строфы, а во втором – поэтически оформленное её подтверждение» [по: 14, с. 179].

На наш взгляд, действительно, в первом двустишии четверостишия Галшиева выражена основная мысль строфы, а во втором – её пояснение. Это высказывание постараемся доказать на конкретном материале соответствующих глав данного сочинения. Так, например, первая глава произведения начинается следующими стихами: Зунай сагай булжамуур мэтэ / Эртэ бодогты. / Хүнэй энэ наһанай ута / Үбэлэй үдэр мэтэ [Там же, с. 6]. (Вставайте рано, / Как жаворонок в летнюю пору. / Данный возраст человека так же продолжителен, / как зимний день).

Автор в первом двустишии призывает, что надо *«вставать рано», как жаворонок летом*, а во втором уже *поясняет* мысль, высказанную в первом двустишии, *сравнивая продолжительность человеческой жизни на этой земле с коротким зимним днём*.

Далее приведём пример параллелизма из второй главы сочинения: Буса хүнүүдээр ушарха сагтаа / Ньюр ба толгойгоо бү эльбэ. / Тэрэ айжа зүрхэсэжэ, / Аргаа мухардаһан дүрэ мүн [Там же, с. 28]. (Когда встречаешься с другими людьми, / не поглаживай свое лицо и голову. / Это действия человека, / оказавшегося в безвыходном тупике и в страхе).

В первом двустишии автор поучает, что, когда ведёшь разговор с людьми, нельзя *«поглаживать своё лицо и голову»*, а во втором двустишии *поясняет*, почему нельзя: обычно такое поведение характерно для человека трусливого, *«оказавшегося в безвыходном тупике и в страхе»*. Пример параллелизма из третьей главы сочинения: Өөрөө эрдэмгүй гээшэ хаа, / Эрдэмтэй мэтэшэлэн бү хүшэлдэ. / Тиигээ хаа, тэрэшни хатанхай модон мэтэ / Бусадай нүдэндэ үзэсхэлэнтэй бэшэ [Там же, с. 51]. (Не задирай нос, / чтобы казаться имеющим заслуги, / коль их у тебя нет. / Подобно высохшему дереву, / на глазах других это будет выглядеть некрасиво).

Также второе двустишие поясняет то, что говорится в первом двустишии. То есть некрасиво будет выглядеть, если ты на самом деле не имеешь никаких заслуг, а *«задираешь нос»*. Второе двустишие помогает автору уподобить такого «необразованного» человека *высохшему дереву*. Приведём пример па-

раллелизма из четвёртой главы сочинения: Шанар хайн аад, дотороо уужам хүниие/Ашадын нүхэр болгон шүтэ. / Гэр, зам, хүдөө – али гурбан газарташые / Тэрээнтэй нүхэсэхэдэ зохисотой [14, с. 86]. (Постоянным другом выбирай человека / с хорошими чертами и широкой душой. / С ним уместно дружить / в любых трёх случаях – дома, в пути, в поле).

В первом двустишии высказывается мысль, что другом надо выбирать *человека с хорошим нравом, с широкой душой*. А во втором двустишии автор поясняет, что такой человек при любых обстоятельствах всегда будет надёжным другом.

Пример параллелизма из пятой главы сочинения: Магтаха, муушалха – ямар үйлэ бологшые, / Хүдэлэн үгы, хеморон үгы дотороо уужам болон яба. / хайн муу бүхэниие / Үргэлэн тэсэдэг газар мэтэ ябаха мүн [Там же, с. 91]. (Хвалят ли тебя или осуждают – как бы о тебе ни отзывались, / действуй с глубокой душой, без волнений, без расстройства. / Держись подобно земле, с терпением выдерживающей на себе все – и хорошее, и плохое).

В первом двустишии выражена мысль более глубокого философского характера: *«хвалят тебя – не волнуйся, осуждают – не расстраивайся»*. А во втором двустишии автор поясняет, что всё это – и хвалу, и осуждение – надо *«выдержать на себе, подобно земле»*.

Пример параллелизма из шестой главы сочинения: Өөрын талын эртын хайн журам / хүнөөнгүй хайн тэдхэ. / Тэрэ ёһо хадаа дотор сэсэн, / хайн эрын дээдын ябадал мүн [Там же, с. 124]. (Всячески поддерживай старинные хорошие порядки родной стороны, / не давая им угаснуть. / Такой поступок подобен лучшим поступкам / прекрасных мужей с мудрой душой). В первом двустишии автор советует, что всегда надо не только поддерживать, но и почитать добрые обычаи своей родины, а во втором двустишии поясняет, что такое поведение свойственно человеку с мудрой душой.

Далее пример параллелизма из седьмой главы: Эд ба алдар, сог ушаралһаа / Имагта буян хадаа дээдэ гэжэ хана. / Тэдэ бүгэдөөр энэ наһандаа баясаха тэды мүн. / Буян хадаа энэ, хойто бүхэндэ баясаха [Там же, с. 153]. (Считай, что только добродетель / выше имущества, славы и благополучия. / Все они дают радость только в этой жизни, / а добродетель даст радость везде – и в настоящем, и в будущем).

В первом двустишии автор акцентирует внимание на том, что именно *добродетель*

выше *всех земных благ*, а во втором двустии поясняет, что и *слава*, и *благополучие* могут служить основой для радости только в этой жизни, *добродетель* даёт начало счастливой жизни везде – и в настоящем, и в будущем. В вышеприведённых стихах отчётливо прослеживается связь между двустиями. Как мы видим на конкретных примерах из семи глав сочинений, второе двустие каждого четверостишия не только поясняет, но и усиливает основную мысль стиха, данную в первых двух строках. Другими словами, между двумя частями параллельных конструкций существует логическая или смысловая связь через основной идейный замысел всего стиха. Следует отметить, что смысловой параллелизм, восходящий к синкретической стадии развития образных форм в литературе, является одним из ведущих композиционных приёмов в бурятской поэзии [3, с. 136].

Эпифора свойственна, главным образом, письменной речи. Разновидностями стихотворной эпифоры являются *редиф* и *рефрен*. *Редиф* представляет собой повтор слова или словосочетания после рифмы и характерен прежде всего для классической арабской, персидской и тюркоязычной поэзии [11, с. 138–140]. По утверждению Н. Д. Болсохоевой, в «Субхашите» Сакья-пандиты примером эпифорической может служить только одно четверостишие:

Наполнить водой след копыта /быка/ *легко*,
Наполнить деньгами маленькую сокровищницу *легко*,
Засеять семенами маленькое поле *легко*,
Удовлетворить учёностью тёмного человека *легко* [6, с. 37].

Эпифорические строфы – такой композиционный приём, когда в конце каждой строфы изречения повторяется одно и то же слово, которое служит не только для усиления ритмической связи концов строк, но и для усиления ритмического ряда [1, с. 18].

Если в «Субхашите» Сакья-Пандиты *редиф* встречается только один раз после каждой строки, то в сочинении Э.-Х. Галшиева такой повтор мы обнаруживаем более

часто, после первой строки двустия. Например:

Хэрбээ хэбтэхын сагта эдээ *haa*,
Үглөө эртэ эдээ бү эди.
Хэбтэхэ бодохо хоюуландань эдээ *haa*,
Хороной дээрэ хоро эдихэн мэтэ болохо [14, с. 18].

(Если поел перед сном, / то на следующий день рано утром не принимай пищу. / Есть, ложась спать и вставая, равносильно / проглатыванию одного яда за другим).

Выражение *эдээ haa* (если поел) повторяется в начале каждой строки, усиливая назидательное значение стиха.

Заключение. Таким образом, по разнообразию аспектов использования различных композиционных элементов и частоте употребления стихотворные (синтаксические) фигуры являются важным средством усиления выразительности образно-художественной речи в поэтическом произведении Э.-Х. Галшиева.

В статье рассмотрены стихотворные (синтаксические) фигуры: фонетическая анафора (аллитерация, синтаксическая анафора), параллелизм, эпифоры, придающие особое благозвучие образно-художественной речи в назидательных речениях Э.-Х. Галшиева. При этом делается вывод, что в речениях больше встречаются повторы двух строк в начале и в середине стиха (э – э), реже встречаются повторы строк в начале и в самом конце четверостишия. Одним из самых важных композиционных элементов назидательных речений Э.-Х. Галшиева является *смысловый и синтаксический параллелизм*. Следует отметить, что назидательные речения Э.-Х. Галшиева полностью построены на параллелизме двух рядом стоящих предложений, имеющих между собой смысловую связь и включающих в себя лексическую параллель. Второе двустие каждого четверостишия не только поясняет, но и усиливает основную мысль стиха, данную в первых двух строках. Другими словами, между двумя частями параллельных конструкций существует логическая или смысловая связь через основной идейный замысел всего стиха.

Список литературы

1. Болсохоева Н. Д. Сакья-пандита и его «Субхашита»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.06. М., 1977. 20 с.
2. Герасимович Л. К. Монгольское стихосложение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 128 с.
3. Дугаржапова Т. М. Поэтика Дондока Улзытуева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2001. 187 с.
4. Золхоев В. И. Средства ритмической организации бурят-монгольского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.16. Л., 1957. 17 с.
5. Ким И. А. О рифме в бурятской поэзии // Советская литература и фольклор Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БКНИИ, 1961. 235 с.

6. Махатов В. Б., Цыденова Х. Г. Хрестоматия по дореволюционной бурятской литературе. Улан-Удэ: Бэлиг, 2008. 395 с.
7. Туденов Г. О. Бурятское стихосложение. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 166 с.
8. Хамгашалов А. М. Опыт исследования бурят-монгольского стихосложения. Улан-Удэ: Гос. изд-во, 1940. 85 с.
9. Цэрэнсодном Д. Характерные особенности монгольской поэзии в XIII–XIV веках // Актуальные проблемы современного монголоведения. – Улан-Батор: Изд-во АН Монголии, 1987. 286 с.
10. Чагдуров С. Ш. Поэтика Гэсэриады. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1993. 367 с.
11. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Поэтика. Варшава: Изд-во Польской АН, 1961. 404 с.

Источники

12. Буряадхан аялгам найхан даа... Дуунууд (Песни родного края... Песни). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. 286 с.
13. Бурятский героический эпос «Аламжи мэргэн». Новосибирск: Наука, 1991. 321 с.
14. Галшиев Э.-Х. Хоер ёһоной абаха, орхихые угуулэгшэ Бэлигэй толи. (Зерцало мудрости, разъясняющее, принимаемое и отвергаемое по двум законам). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1993. 352 с.
15. Ризель Э. Г. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. шк., 1975. 316 с.
16. Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л.: Учпедгиз, 1959. 535 с.
17. Томашевский Б. В. Стилистика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 288 с.
18. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Академия, 2009. 432 с.
19. Улзытуев Д. У. Ая-гангын орон. (Страна Ая-ганги). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 295 с.

Статья поступила в редакцию 29.04.2018; принята к публикации 09.11.2018

Библиографическое описание статьи

Дугаржапова Т. М. Роль стихотворных фигур в художественном тексте Э.-Х. Галшиева «Бэлигэй толи» («Зерцало мудрости») // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 86–92. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-86-92.

Tatiana M. Dugarzhapova,

Doctor of Philology,

Buryat State University

(24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia),

e-mail: tatiyanamaksarovna@yandex.ru

Role of Poetic Figures in The Literary Text “Baliga Toli” (“Mirror of Wisdom”) by E.-Kh. Galshiev¹

The aim of the given study is to reveal the literary features of the pre-revolutionary Buryat literature, to analyze various aspects of composite elements usage and some poetic (syntactic) figures in edifying speeches by E.-Kh. Galshiev, the Buryat author. The relevance of the research is caused by the lack of study of E.-Kh. Galshiev's literary heritage and is due to the importance of analysis of traditional ethical-didactic works of instructive nature. The analysis of poetic (syntactic) figures is presented in the article for the first time: phonetic anaphora (alliteration, syntactic anaphora) of parallelism, epiphora. Poetic figures under consideration give special euphony of figurative and artistic speech in E.-Kh. Galshiev's edifying utterances. Alliteration often occurs in utterances. Alliteration (*tolgoiholholgo*) is a sound repetition, which is common for the Buryat language structure. Semantic and syntactic parallelism is an important element in E.-Kh. Galshiev's edifying utterances. The edifying utterances in Galshiev's works are based on parallelism of two sentences, which have a semantic connection and include a lexical parallel. Radif and refrain are kinds of poetic epiphora in speech. This compositional technique is used at the end of each line to strengthen the rhythm of the verse in the Galshiev's composition.

Keywords: poetic (syntactic) figures, metric means, alliteration, parallelism, epiphora

References

1. Bolsokhoeva, N. E. Sakya Pandita and his “Subkhashita”. Cand. filol.sci.diss.abstr. Moscow, 1977. (In Rus.)
2. Gerasimovich, L. K. Mongolian versification. Leningrad: Publishing house of Leningrad State University, 1975. (In Rus.)

¹ The paper was written with support of the grant to conduct independent research studies, Buryat State University 2018 “Monument to pre-revolutionary Buryat literature, “Baliga toli” (“Mirror of Wisdom”) E.-Kh. Galshieva” No. 18-06-0502.

3. Dugarzhapova, T. M. Poetics by Dondok Ulzytuev. Ulan-Ude: Buryat Publishing House, 2001. (In Rus.)
4. Zolkhoev, V. I. Means of rhythmic organization of the Buryat-Mongolian language. Cand. filol.sci.diss.abstr. Leningrad, 1957. (In Rus.)
5. Kim, I. A. About rhyme in Buryat poetry. In: Soviet literature and folklore of Buryatia Ulan-Ude, 1961. (In Rus.)
6. Makhatov, V. B, Tsydenova, Kh. G. Anthology on pre-revolutionary Buryat literature. Ulan-Ude: Publishing house Belig, 2008. (In Rus.)
7. Tudenov, G. O. Buryat versification. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1958. (In Rus.)
8. Khamgashalov, A. M. Experience of the Buryat-Mongolian versification study. Ulan-Ude: State Publishing House, 1940. (In Rus.)
9. Tserensodnom, D. Characteristic features of Mongolian poetry in the XIII–XIV centuries. Actual problems of contemporary mongolology. Ulaanbaatar: Akademia Nauk Mongolia, 1987. (In Rus.)
10. Chagdurov, S. Sh. Poetics of the Geseriadas. Irkutsk, 1993. (In Rus.)
11. Jacobson, R. Poetry of grammar and the grammar of poetry. Poetics. Warszawa: Polska Akademia Nauk, 1961. (In Rus.)

Sources

12. Buryadakh an ayalgam haikhan daa... Duunuud (Songs of the motherland). Ulan-Ude: Buryat Book Publishing, 1983. (In Rus.)
13. Buryat heroic epic "Alamzhi Mergen". Novosibirsk: Publishing Science, 1991. (In Rus.)
14. Galshiev, E. -Kh. Hoer ehonoy abah, orkhiyyy ygyylegshe Beligey toli. (The Mirror of Wisdom explaining what is accepted and rejected by two laws). Ulan-Ude: Buryat Book Publishing, 1993. (In Rus.)
15. Rizel, E. G. German language stylistics. Moscow: 1975. (In Rus.)
16. Tomashevskiy, B. V. Stylistics and versification. Leningrad, 1959. (In Rus.)
17. Tomashevskiy, B. V. Stylistics. Leningrad: Leningrad State University, 1983. (In Rus.)
18. Khalizev, V. E. Literature theory. Moscow: Publishing house Academy, 2009. (In Rus.)
19. Ulzytuev, D. U. Aya-gangyn oron. (Country of Aya-ganga). Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House. 1974. (In Rus.)

Received: April 29, 2018; accepted for publication November 9, 2018

Reference to the article

Dugarzhapova T. M. Role of Poetic Figures in The Literary Text "Baliga Toli" ("Mirror of Wisdom") by E.-Kh. Galshiev // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 1. PP. 86–92. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-86-92.